

16/22

ПРЕПРИНТЫ

В. С. Малахов, М. Е. Симон, Д. Э. Летняков
А. С. Мотин, С. С. Горяшко, А. В. Дубровский
А. А. Карулин

**МИГРАНТСКИЕ СООБЩЕСТВА
В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ
И В РОССИИ: СОЦИАЛЬНЫЕ ЗАПРОСЫ
И СТРУКТУРНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

Малахов В.С., Симон М.Е., Летняков Д.Э, Мотин А.С.,
Горяшко С.С., Дубровский А.В., Карулин А.А.

**Мигрантские сообщества в западноевропейских странах
и в России: социальные запросы и структурные ограничения**

Препринт

Москва 2022

Малахов В.С., Симон М.Е., Летняков Д.Э, Мотин А.С., Горяшко С.С., Дубровский А.В., Карулин А.А. Мигрантские сообщества в западноевропейских странах и в России: социальные запросы и структурные ограничения // Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ – М.: РАНХиГС, 2022.

Изучение сообществ, образуемых мигрантами, крайне важно для понимания устройства политической коммуникации в индустриально развитых странах. Существует три обстоятельства, актуализирующих такое изучение. Во-первых, в странах с длительной историей иммиграции получили развитие институты общественного представительства мигрантов, обеспечивающие участие последних в политической жизни принимающих обществ. Во-вторых, мигранты могут формировать ассоциации на низовом уровне для решения насущных вопросов без непосредственного взаимодействия с институтами государственной власти (так называемые grassroots organisations). В-третьих, мигранты нередко вовлечены в общественно-политическую жизнь страны исхода, поскольку поддерживают связь с организациями, действующими на родине – данная связь облегчается и интенсифицируется благодаря Интернету. В настоящей работе приводится обзор актуальных исследований на эту тему, сделанных в западноевропейских странах, а также представлены результаты собственного полевого исследования, проведенного в нескольких городах России.

Ключевые слова: национально-общественные организации, общественные деятели из мигрантской среды, диаспоральные организации, политическая коммуникация, транснационализм.

Abstract: The study of communities formed by migrants is crucial for understanding the political communication in industrialized countries. There are three circumstances that actualize such a study. First, in countries with a long history of immigration, institutions of public representation of migrants have been developed to ensure the participation of the latter in the political life of the host societies. Secondly, migrants can form associations at the grassroots level to find common solutions without direct interaction with government institutions. Thirdly, migrants are often involved in the social and political life of the country of origin, as they maintain contact with organizations operating in their homeland. This connection is facilitated and intensified due to various online platforms. This paper provides an overview of current research on this topic, made in Western European countries, as well as the results of our own field research conducted in several Russian cities.

Keywords: nationality-based public organizations, public figures from a migrant environment, diaspora organizations, political communication, transnationalism

Исполнители:

Малахов Владимир Сергеевич, доктор политических наук, профессор, директор Центра теоретической и прикладной политологии РАНХиГС. E-mail: malakhov-vs@ranepa.ru

Симон Марк Евгеньевич, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра теоретической и прикладной политологии РАНХиГС. E-mail: simon-me@ranepa.ru

Летняков Денис Эдуардович, кандидат политических наук, научный сотрудник Центра теоретической и прикладной политологии РАНХиГС. E-mail: letnyakov-de@ranepa.ru

Мотин Александр Сергеевич, младший научный сотрудник Центра теоретической и прикладной политологии РАНХиГС, motin-as@ranepa.ru

Горяшко Сергей Сергеевич, магистр МВШСЭН, mss2100089@universitas.ru

Дубровский Александр Владимирович, магистр ГАУГН, Dubrovsky42@yandex.ru

Карулин Андрей Алексеевич, магистр ГАУГН, andreykarulin2020@gmail.com

Содержание

Введение	5
1. Взаимодействие профсоюзов с объединениями мигрантов в странах Западной Европы	10
2. Организация мигрантов на городском уровне в европейских странах: старые и новые центры притяжения.....	19
3. Солидаризация мигрантов в рамках религиозных организаций.....	27
4. Особенности общественной самоорганизации мигрантов из Центральной Азии в России	32
Заключение.....	37
Список использованных источников.....	40

Введение

Актуальность исследования заключается в следующем:

Изучение сообществ, образуемых мигрантами, крайне важно для понимания устройства политической коммуникации в индустриально развитых странах. Существует три обстоятельства, актуализирующих такое изучение. Во-первых, в странах с длительной историей иммиграции получили развитие институты общественного представительства мигрантов, обеспечивающие участие последних в политической жизни принимающих обществ. Во-вторых, мигранты могут формировать ассоциации на низовом уровне для решения насущных вопросов без непосредственного взаимодействия с институтами государственной власти (так называемые grassroots organisations). В-третьих, мигранты нередко вовлечены в общественно-политическую жизнь страны исхода, поскольку поддерживают связь с организациями, действующими на родине – данная связь облегчается и интенсифицируется благодаря Интернету. Кроме того, в настоящее время в принимающих странах мигрантам доступно множество онлайн и оффлайн-платформ, на которых они могут обсуждать проблемы, касающиеся их родины. На сегодняшний день в российских миграционных исследованиях соотношению между этими тремя типами общественных отношений уделяется мало внимания. Тема разрабатывалась в работах таких авторов, как Флорис Вермёлен, Элиф Кескинер, Мария Бергере, Герд Бауманн, Маргит Фаузер, Кира Косник. Применительно к российскому контексту над ней работали такие авторы, как Ольга Ткач, Сергей Румянцев, Анна Рочева, Евгений Варшавер.

Основная цель исследования: проследить, в каких организационных формах артикулируются различные общественные запросы мигрантских сообществ в иммиграционных странах; кому адресованы эти запросы; и какие институциональные барьеры существуют на пути взаимодействия между мигрантскими организациями с одной стороны, и лицами, принимающими решения – с другой.

Основные фундаментальные и прикладные задачи, решаемые в рамках исследования, состоят в том, чтобы:

1) классифицировать основные виды мигрантских организаций в западных странах и в России; (2) показать, как организовано их взаимодействие с властями принимающих и отдающих стран; (3) продемонстрировать законодательные и институциональные особенности деятельности национально-общественных объединений, представляющих выходцев из Центральной Азии, в России; (4) проанализировать механизмы взаимодействия между

формальными и неформальными мигрантскими организациями в России; (5) проанализировать, в чем состоят основные социальные и политические запросы мигрантов из Центральной Азии, и как происходит артикуляция этих запросов.

Объектом исследования является политическая коммуникация мигрантских сообществ

Процессы формирования общественных организаций мигрантов в Европе активно развиваются в течение последнего полувека. Это связано с усилением миграционного притока в западноевропейские страны после Второй мировой войны. Одним из эффектов увеличения численности иностранных работников на рынках труда принимающих стран стало создание новых общественных организаций, нацеленных на оказание помощи мигрантам в адаптации к новым условиям. Однако постепенно началось проникновение организаций мигрантов в сферу политики. В качестве основных факторов, влияющих на формирование мигрантских организаций выступают следующие: места проживания мигрантов, статистические данные по численности мигрантов, политика властей в отношении мигрантов и иммиграционный режим.

В последние годы сформировался внушительный корпус исследований, посвященных общественной (само)организации мигрантов ([1-7] и многие другие). Однако почти ни в одном из них не рассматривается культурная деятельность мигрантских сообществ с точки зрения ее организационных особенностей. Исключение составляет работа Чжэ Цзян и Марека Корчинского [8], в которой анализируются артистические практики домашних работниц-мигранток в Лондоне на предмет самоорганизации для борьбы за социальную справедливость.

Обращение к российскому контексту позволяет сделать нетривиальные наблюдения относительно того, какую роль играет культура в деятельности объединений, созданных людьми из Центральной Азии. Особенность российской системы управления многообразием связана прежде всего с культурализацией вопросов «межнациональных отношений» на уровне бюрократических структур. Правила игры устроены таким образом, что организации, претендующие на представительство тех или иных национальных (или этнических) групп, могут вести публичную деятельность, главным образом на ниве культуры. Учитывая это обстоятельство, формы публичной самопрезентации людей, чья биография так или иначе связана с миграцией, имеет мало общего с практиками, описанными Цзян и Корчинским. Вместо низовой артистической активности мигрантов с ярко выраженным эмансипаторным посылом, в России преобладают форматы культурного участия, для которых характерна эссенциализация этничности и дистанцированность от остросоциальной повестки.

С организационной точки зрения, основные партнеры российских институтов, ответственных за проведение «национальной политики», – это так называемые диаспоральные общественные организации. Им делегируется роль посредников в коммуникации между органами власти, с одной стороны, и чуть ли не всеми номинальными «соотечественниками», проживающими на территории соответствующего города или региона, – с другой. Такой подход свидетельствует о том, что определяемые в этнических терминах группы населения мыслятся, по сути, как единый адресат управленческих усилий. При этом, структура сообществ, формируемых выходцами из Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана¹, в последние годы характеризуется возрастающим многообразием с точки зрения форм занятости, уровня образования, социального капитала, а также гендерных и возрастных параметров [10]. Становится очевидным, что это многообразие не находит должного отражения в системе публичного представительства, а участие в городских мероприятиях, организуемых «диаспорами», навряд ли отвечает широте спектра социальных запросов, исходящих от людей из Центральной Азии.

Проблематичность представительской функции «диаспор» рассматривалась в нескольких исследованиях, проведенных в разных городах России [11-15]. Их авторы в целом сходятся на том, что диаспоральные организации стремятся, в первую очередь, закрепить за собой функцию «брокеров от этничности», а проведение отчетных мероприятий – один из способов легитимации их деятельности. Исходя из распространенного в конструктивистских исследованиях тезиса об оторванности «диаспор» от мигрантских сообществ в России, может сложиться впечатление, что их публичная активность носит по большей части декларативный характер.

Однако если рассматривать «диаспоры» лишь как один из элементов в сети различных организационных связей, то картина становится сложнее и объемнее. При более тщательном изучении выясняется, что регулярная культурная деятельность людей из Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана в крупных российских городах хоть и зависит от зарегистрированных организаций, но не ограничивается отработкой предписаний последних. Эта деятельность локализуется как в формальной, так и неформальной сфере; она осуществляется силами агентов, имеющих разный социальный статус, прагматику, и по-разному действующих, в зависимости от структурных ограничений, с которыми они сталкиваются. Наше исследование нацелено на то, чтобы продемонстрировать специфику взаимодействия между этими агентами, и объяснить, какие факторы оказываются определяющими для тех

---

¹ Трех стран, из которых суммарно в Россию прибывают около двух третей от общего числа трудовых мигрантов. См. [9]

или иных форм организации выходцев из Центральной Азии в трех городах – Санкт-Петербурге, Самаре и Казани.

Поскольку история организаций, объединяющих людей из Центральной Азии в России, не столь продолжительна, то мы будем исходить не столько из хронологической перспективы, сколько из дифференциации различных проявлений социальной активности. Мы начнем с того, что покажем, как меняется содержание мероприятий выходцев из Центральной Азии при переходе от неформальных встреч к публичной активности «диаспор». Затем мы объясним, каким образом диаспоральные организации легитимируют свою деятельность перед лицом российских органов власти, с одной стороны, и стран исхода – с другой. Далее мы сместим фокус с лидеров «диаспор» на культурных активистов и проанализируем, как проявляется их агентность в рамках обозначенных выше структурных ограничений. При этом мы продемонстрируем, что объяснительные модели, предложенные Вермёленом, могут быть рефлексивным образом применены к российскому контексту в рамках предложенной нами схемы анализа.

Анализ организационного устройства общественной жизни людей таджикского, узбекского и кыргызского происхождения в России позволяет дистанцироваться от эссенциалистского взгляда на культуру, присущего институтам национальной политики². Такого рода анализ, сфокусированный на социальных структурах и агентах, институциональных платформах, материальных и символических ресурсах, формах публичного позиционирования и способах адресации в контексте общественной деятельности, дает возможность выявить общие и особенные свойства изучаемых сообществ без ригидной привязки к этническому происхождению.

Теоретический подход к изучению мигрантских организаций в наиболее консистентном виде предложил голландский ученый Флорис Вермёлен [3]. Вермёлен выделяет три группы факторов, влияющих на деятельность мигрантских организаций: (а) групповые факторы, связанные с социальной структурой мигрантских сообществ и их основными запросами; (б) структуру политических возможностей в принимающей стране, которая определяет «пространство маневра» для общественных организаций, созданных мигрантами; (в) организационную экологию – институциональную среду, в которой мигрантские объединения взаимодействуют с другими социальными агентами, и тем самым формируют представления о том, как им следует поступать. На материале сорокалетней истории турецких организаций в Амстердаме и Берлине и суринамских организаций в Амстердаме Вермёлен показывает, как меняется соотношение между тремя перечисленными типами факторов, какие

---

² Впрочем, отождествление этничности и культуры присуще не только российскому контексту. См. [16]

из них оказываются решающими в тот или иной момент времени. При этом недостаток теории Вермёлена состоит в том, что последний фактор – организационную экологию – он рассматривает преимущественно в странах приема, в то время как в последние годы все больше исследователей указывают на то, что она имеет транснациональный характер [4].

1. Взаимодействие профсоюзов с объединениями мигрантов в странах Западной Европы

Миграция за последние десятилетия превратилась в комплексную проблему для большинства европейских стран. Мигрантов винят в том, что они забирают рабочие места, угрожают целостности общества, пользуются пособиями и социальными благами. Эти страхи усиливают экономическая рецессия и высокая безработица. Эпизоды насилия на национальной почве в отношении мигрантов и вовсе создают опасный прецедент.

Эта работа посвящена вопросу интеграции мигрантов в Западной Европе, в частности тому, как идет процесс формирования общественных организаций мигрантов, и какую роль в этом играют профсоюзы.

Исследования отношения и действий профсоюзов относительно миграции работников-мигрантов — это область изучения и миграции, и индустриальных отношений. В области изучения миграции анализ даст понимание роли профсоюзов в продвижении рынка труда мигрантов и их социальной интеграции. В области индустриальных отношений — представит лучшее понимание взаимоотношения мигрантов с профсоюзами и даст возможность начать разговор об оживлении профсоюзов.

Работники-мигранты зачастую представляют собой наиболее незащищенный слой общества, они приезжают в принимающие страны выполнять работы, за которые не берутся местные. С усилением глобализации и либерализации торговли ситуация в области защиты прав мигрантов становится только хуже. Оценки Международной организации труда (МОТ) по миграции противоречат решительной политике многих индустриализированных государств по закрытию границ и ограничению допуска иностранных работников. Политика "нулевой миграции", как отмечал руководитель отдела международной миграции МОТ Маноло Абэлла [17], так и не сработала, а множество введенных запретительных мер, объявленных для успокоения местного населения, встревоженного безработицей, оказались контрпродуктивными. Необоснованно ограничительная иммиграционная политика привела к беспрецедентному росту нелегальной миграции, и число таких мигрантов выросло почти во всем мире.

Цель профсоюзов — защита индивидуальных и коллективных интересов работников [18]. Их задача — организовать как можно больше рабочих, чтобы усилить их переговорную позицию; и представлять членов профсоюзов и работников в целом в меру своих возможностей. Профсоюзы также стремятся укрепить солидарность среди рабочих и помочь им избежать чувства соперничества. Таким образом, профсоюзы представляются очевидно организацией для защиты интересов временных рабочих мигрантов.

Появление организованного рабочего движения совпало не с индустриализацией, а скорее с развитием национального государства в XIX веке, когда растущее значение государства коренным образом изменило отношения между работодателями и рабочими. Возник треугольник между работодателями, рабочими и государством. Что касается миграции и профсоюзов, прежде всего важно подчеркнуть значение государства: концепция национального государства означала, что воображаемое сообщество на определенной территории стало доминирующей структурой для организации работодателей и рабочих. Возникновение гражданства и отнесение тех, кто находится за границей, к "пришельцам" ("aliens"), то есть к иностранцам было косвенным результатом этих процессов. Из-за того, что профсоюзы, как часть вышеупомянутого треугольника частично отвечали за развитие современного государства всеобщего благосостояния, им также приходилось формулировать свою позицию по отношению к трудящимся-мигрантам. То, насколько профсоюзы готовы включить в свои ряды рабочих-мигрантов, зависит, таким образом, от исторического развития профсоюзов, государства и доминирующих там миграционных режимов.

До конца XX века миграцию можно было разложить на три типа — миграция из колоний, рабочая миграция (с нанимающими странами и посылающими) и миграция беженцев, преимущественно с Востока на Запад. В 1980-1990 годах все изменилось, другими стали и размеры миграции, и паттерны, и регуляция [19]. Размеры миграции выросли кратно, страны Европы, из которых ранее работники уезжали, в 1990-е и 2000-е годы стали странами, куда наоборот, начали мигрировать (Испания, Ирландия, Португалия, Греция, Норвегия, Финляндия). Влияние на миграционные потоки оказали транснациональные компании с экспатами, студенты, врачи, беженцы, ищущие убежища, причем не из Европы, а из Африки, Ближнего Востока, Азии, Балкан и стран бывшего СССР, а еще работники без документов из развивающихся стран. Произошла феминизация миграции — женщины мигрировали уже не как члены семей, но сами по себе, что особенно релевантно в особенности для нишевых сервисов (здравоохранение и уход) и секс-индустрии. Изменились типы мобильности — увеличилась мобильность студентов, сезонных работников, пенсионеров, квалифицированных профессионалов. Появились и нежелательные мигранты, приезжающие в поисках лучших политических или экономических условий. Для них Европейские страны выставили ограничения. Европа постепенно усиливала ограничительные и защитные меры в области миграции, пока не превратилась в «крепость» с точки зрения критиков этой политики.

Цель этих мер — ограничить доступ к социальным благам и рынку труда, в дополнение — регуляция и ограничения для работников и работодателей, фактически вторая "граница" после первой с паспортными контролями. Параллельно граждане Европейского

Союза получили право перемещаться и оседать внутри стран Союза, что особенно на фоне кризиса 2009 привело к увеличению внутрисоюзной миграции в ЕС.

Паттерны и регулирование в большинстве стран ЕС одинаковые, однако эффект от них в разных странах отличается и зависит от национального контекста. У иммиграционных потоков также разная характеристика по странам. В Северо-Западную Европу, например, часто иммигрируют для воссоединения с семьей, беженцы и образованные работники, но из-за жестких законов по принятию мигрантов, там значительна и доля нелегальной миграции.

Поменялись рынки труда и индустриальные отношения, что отразилось на профсоюзах и их отношениях с мигрантами. Экономическая и финансовая глобализация бросила вызов экономикам государств и их регуляторным принципам, внутри которых профсоюзы нарастили влияние.

Во-первых, из-за того, что мультинациональные компании начали искать подходящие им по налоговому и трудовому режиму страны, государства стали ослаблять запретительную политику в области миграции, чтобы стать более привлекательными для таких компаний. Национальные экономики стали более взаимосвязанными с мировыми финансовыми рынками. Поэтому кризис 2007 года отразился на всей мировой экономике и повлиял на безработицу и трудовые отношения по всей Европе. На надгосударственные процессы у профсоюзов возможностей повлиять мало, на национальном уровне они прочувствовали последствия.

Во-вторых, структура рынков труда изменилась. Если раньше существовали традиционные формы занятости, а появились временные контракты или работы парт-тайм, часть работы на госсектор отдали на аутсорс и приватизировали, а это была та сфера, где профсоюзы были сильны. Профсоюзы были традиционно активны в регулировании стандартного найма на работу. Теперь же им необходимо подстраиваться для представления интересов изменившейся, более гибкой и менее гомогенной рабочей силы и не испортил отношения с теми, кого изначально представляли.

В-третьих, поменялись индустриальные отношения и положение профсоюзов. На социально-экономические решения профсоюзам повлиять сложно, а неолиберальные правительства к профсоюзам относятся с опаской. Членство в профсоюзах тоже снизилось, из-за притока молодых и временных работников. Членство в профсоюзе все меньше и меньше отражает структуру рабочей силы в целом.

В качестве теоретической рамки для качественного анализа поведения профсоюзов в отношении миграции мы опираемся на подход, предложенный в работе Ринуса Пеннинкса и Джудит Росблад "Trade Unions, Immigration, and Immigrants in Europe, 1960-1993" [20].

Подход предполагает три дилеммы, с которой сталкиваются профсоюзы, выбирая свою политику в отношении мигрантов и четыре набора объясняющих ее факторов. На фоне изменений, произошедших на рынке труда на рубеже веков исследователи Марино, Пеннинкс и Розблад пересматривают эти дилеммы и набор факторов, чтобы выяснить по-прежнему ли они применимы к исследованию ответов профсоюзов на новые вызовы [19].

Первая дилемма в оригинальной модели — должны ли профсоюзы сопротивляться желанию работодателей нанимать из-за рубежа сотрудников или сотрудничать с работодателями в этой сфере. Если они выбирают сотрудничать, то встает вопрос, какие условия выстраивать для работников-мигрантов. Например, должны ли они лицензировать агентств по трудоустройству мигрантов? С одной стороны, профсоюзы опасаются, что включение временных трудящихся-мигрантов будет невыгодным для местных рабочих, поскольку трудящиеся-мигранты могут быть готовы работать за заработную плату ниже, чем та, что предполагается договорами, заключенными с профсоюзами [18]. С другой стороны, различные европейские профсоюзы осознают, что в некоторых секторах существует, по крайней мере, временная нехватка рабочей силы, и что местные работники не готовы выполнять некоторые работы. Их многие исследователи объединяют [17] под названием "3D" или "DDD" (dirty, dangerous, degrading) — грязные, опасные и унижительные работы. Так, рабочая сила мигрантов используется на фермах, чтобы держать стоимость сельскохозяйственной продукции на низком уровне; для дешевого строительства, в секс-индустрии. Сотрудничество с мигрантами может снизить взносы местных членов профсоюза, а сопротивление политики работодателей, нанимающих мигрантов, — замедлить экономическую экспансию.

Марино, Пеннинкс и Розблад, пересмотрев оригинальную модель, делают вывод, что условия, в которых профсоюзы теперь сталкиваются с этой дилеммой, изменились. Миграция стала важной частью жизни всех Европейских стран, а не только Северо-Западной Европы. Профсоюзы уже не так вовлечены в принятие корпоративных решений, особенно касающихся миграции. Трудовая миграция перестала быть в фокусе принятия решений для национальных рынков труда. Больше миграции происходит внутри расширившегося Евросоюза, где применяется новый свод правил и законов.

Сейчас первая дилемма для профсоюзов звучит так — следует ли им как социальным и политическим акторам пытаться влиять на регулирование миграции и доступа работников-мигрантов к рынку труда, сопротивляясь или поддерживая государственную политику в этой области (иммиграции и интеграции). Профсоюзы перешли к политике с упором на международную солидарность и равенство, уйдя от ограничительной риторики. Сейчас профсоюзы склоняются к более либеральной миграционной политике. Некоторые страны

Южной Европы лоббируют против государственных законов о миграции, которые они считают дискриминационными и нечестными и поддерживают регуляцию недокументированных мигрантов. Впрочем, в Испании и Италии такая политика объясняется желанием защитить местных работников и добиться улучшения условий труда. Те же объяснения звучат и из профсоюзов Северо-Западной Европы.

В других случаях несмотря на формально инклюзивную риторику профсоюзы сопротивляются свободному перемещению рабочей силы внутри Евросоюза. Например, профсоюзы Германии и Австрии хоть и подчеркивают, что они не против миграции, но сопротивляются свободному перемещению рабочей силы, потому что обеспокоены сохранением стандартов условий труда. Другие исследователи подчеркивают различия вплоть до конфликтов между подходами западных и восточных профсоюзов из-за их различающихся позиций по поводу допуска мигрантов.

Примеры показывают, что инклюзивность и декларации о международной солидарности скорее формальны, реально же на государственном уровне позиции профсоюзов по миграции часто обращены к вопросам защиты национального рынка труда. Вывод исследователи делают о том, что первая дилемма все еще актуальна, хотя и применима в более широком смысле.

Вторая дилемма — включать ли мигрантов в профсоюзы на основе принципов международной солидарности, и если да, то на тех же ли условиях, что местных работников или нет. Альтернатива — частично или полностью исключить мигрантов из профсоюзов. Исключение ухудшит переговорную позицию профсоюзов с работодателями. Включение мигрантов в профсоюзы — угроза местному рынку труда и интересам профсоюза, а в итоге — столкновение с интересами местных работников. Решение этой дилеммы сильно зависит от национального контекста. Например, в бывшем швейцарском профсоюзе строительства и промышленности (включился в 2004 в профсоюз Уния в результате слияния нескольких организаций) 70% членов были иностранцами, тогда как в Конфедерации профсоюзов Японии иностранцы менее 1% [19]. Если же работники-мигранты сами организуются в профсоюз или НКО, у профсоюзов встает вопрос, сотрудничать ли с такими организациями или отказываться от этого, поскольку они несут угрозу монополии профсоюзов в спорах.

По мнению Марино, Пеннинкс и Розблад, вторая дилемма тоже оказалась подвержена влиянию вышеперечисленных факторов и изменений [19]. Во-первых, тренды в трудовых отношениях и особенно ослабившаяся позиция профсоюзов приводят к попыткам профсоюзы оживить, в частности, через включение в них мигрантов, но успех такой стратегии зависит от изменяющихся отношений и ожиданий от существующего членства в

профсоюзе. Особенно актуальным этот вопрос становится, если обновленная политика приведет к изменению структуры профсоюза, это может отвергнуть его ядерный состав при включении в профсоюз новых демографических групп. Дилемма вторая также все еще актуальна, делают вывод авторы. У профсоюзов с ростом мобильности внутри Евросоюза стоит вопрос, включать или не включать работников, приехавших на время как членов. Попытки организовать временных работников-мигрантов пока остаются слабыми, считают они.

Кампании по организации мигрантов в профсоюзы были в особенности успешными в США, в Европе их начали применять в Великобритании и относительно недавно в Нидерландах, отмечают исследователи, выясняя остается ли вторая дилемма актуальной. В то же время, хотя иногда эти кампании помогают добиться лучших условий для работников, не ясно, до какой степени эти стратегии позволяют добиться эффективного и полного включения работников мигрантов в члены профсоюза. Эта же проблема проявилась при попытке проводить кампании по организации работников-мигрантов на временных контрактах — их стало больше с увеличением миграции внутри ЕС. Из-за временного характера пребывания таких работников, возникли дебаты о том, стоит ли включать их в профсоюзы, одновременно начались дискуссии о рисках социального демпинга — что сотрудник-мигрант будет трудиться в худших условиях и за меньшую зарплату, чем принята в стране его временного пребывания. Профсоюзы делали усилия по созданию сетей с сообществами мигрантов, предлагали услуги на иностранных языках и всячески искали способы облегчить напряженность между местными и иностранными работниками. Тем не менее набор мигрантов в профсоюзы и их организация остались слабыми из-за временного характера миграции.

Третья дилемма — равное или специальное отношение к мигрантам (если профсоюзы пошли инклюзивным путем во второй дилемме). Генерализированная стратегия может создать несправедливость, специальный подход обидит местных работников, членов профсоюза.

Марино, Пеннинкс и Розблад, анализируя актуальность этой дилеммы, отмечают, что она приобретает обновленный характер в случаях, когда профсоюзы начали предпринимать действия в отношении мигрантов без документов [19]. Профсоюзам приходится брать в расчет особую характеристику мигрантов, поскольку это необходимое условие для сотрудничества. Вместе с такими мерами, как обучение или предоставление услуг на иностранном языке, помощь с переводом, профсоюзам нужен куда более широкий набор политик и практик для продвижения инклюзии в социальном и политическом смыслах. В поиске

решения практических проблем профсоюзы приходят к тому, что им приходится действовать более широко, например, в фокусе оказываются не места работы мигрантов, а сообщества, районы, в которых те живут. Авторы приходят к выводу, что третья дилемма остается для профсоюзов фундаментальной, и вопрос, помогают ли организационные изменения, введение демократических процедур, создание специальных структур для мигрантов тому, чтобы последние лучше интегрировались — вопрос для отдельного исследования.

Стратегии разрешения этих трех дилемм у профсоюзов широко различаются — одни профсоюзы исключают, по крайней мере, мигрантов без документов, другие активно организуют работников-мигрантов, невзирая на статус последних. Если в состав профсоюзов войдут мигранты, они, скорее всего, столкнутся с проблемой культурных различий между местными работниками и мигрантами. Выбор между особым или равным отношением к мигрантам в профсоюзах зависит от того, насколько особое внимание уделяется мигрантам.

Существует взаимосвязь между двумя вариантами реакции профсоюзов на иммиграцию — включение мигрантов или исключение. Несмотря на то, что для местных рабочих может показаться логичным выступать против иммиграции из-за страха снижения зарплаты (мигранты демпингуют рынок), если в стране есть рабочие-мигранты, важно организовать их. Это не только в интересах мигрантов, но в интересах всех работников в стране. Если профсоюзы изначально выступают против иммиграции и продолжают это делать, хотя поток миграции не останавливается, они могут обнаружить, что мигранты не доверяют им и не желают вступать в профсоюзы. В итоге профсоюзы рискуют оказаться со всех сторон в проигрыше. Они недостаточно сильные, чтобы предотвратить миграцию, а их попытки сделать это только отталкивают от них новых рабочих. Результат в таком случае — ослабление профсоюзов и углубление раскола в рабочем классе [18].

Пример взаимодействия профсоюзов с мигрантами в Италии и Нидерландах приводит Стефания Марино в своем исследовании [21] "Trade unions, special structures and the inclusion of migrant workers". Работа концентрируется на сравнении организаций мигрантов в двух профсоюзах — нидерландском FNV-Bondgenoten (структура мигрантов внутри него называется Kadergroep Kleurrijke Bondgenoten (ККВ)) и итальянском FIOM-CGIL с организацией мигрантов FIOM Coordinamento Nazionale Migranti (FCNM). Оба — самые крупные промышленные профсоюзы в странах. Оба создали специальные комитеты (ККВ в голландском и FCNM в итальянском) для продвижения инклюзивной политики в отношении работников, которых в странах считают мигрантами (в обеих странах понятие "мигрант" применяется несколько шире, чем в классическом смысле).

Процедуры основанные на принципах представительной демократии в профсоюзах положительно отражаются на процессе включения специальных структур для мигрантов в

профсоюз, их интеграции и инклюзии, если сравнивать с тем вариантом, когда такой процесс проводится сверху вниз, по принципам исходящим из центра. Исследование показало — важно, чтобы профсоюз поддерживал работу комитетов мигрантов. При проведении сравнения примеров Италии и Нидерландов также важно учитывать идентичность профсоюзов и их структуры. В случае с Италией инструменты представительной демократии помогли усилить участие и включенность специальных организаций мигрантов в деятельности профсоюза, и в результате их (мигрантов) организационно признали "наверху". Одновременно работа специальной организации мигрантов, автономно от профсоюза привела к большему участию и включению "снизу", что в результате обеспечило легитимность этой структуре. То есть одновременно шли два противоречивых процесса — по идентификации организации мигрантов с профсоюзом и ее дифференциации. В Дании же институциональное признание и легитимность организации мигрантов оказались в зависимости от Совета профсоюза, и это снижает стремления к самоорганизации и наносит ущерб развитию как автономного органа. Марино делает вывод, что профсоюзам для достижения успеха в области интеграции и развития специальных структур для мигрантов необходимо достичь внутреннего баланса между тем, чтобы иметь сильную центральную власть, но в то же время иметь механизмы для более активной самоорганизации членов и групп снизу. Исследование доказало важность упомянутого выше пятого фактора, определяющего поведения профсоюзов [19] в отношении мигрантов — процессов, которые происходят внутри этих организаций.

В исследовании, посвященном реакции профсоюзов Нидерландов, Испании и Италии на миграцию, Коннолли, Марино и Люцио [22], выделяют три логики, которые определяют поведение профсоюзов класс, раса/этничность и социальные права. Логика класса приводит к тому, что профсоюзы рассматривают мигрантов как часть более широкого рабочего класса, то есть общие интересы мигрантов и местных работников влекут за собой всеобщую солидарность среди рабочих. Вторая логика — этническая принадлежность — настаивает на том, что особое положение и интересы трудящихся мигрантов не позволяет применять к ним обычную политику, поскольку так они не будут достаточно представлены. Первая и вторая логика перекликаются со второй и третьей дилеммой в модели Пеннинкс и Розблад (включать ли мигрантов в профсоюзы на принципах международной солидарности трудящихся, применять ли к ним особое отношение). Третья логика — социальные права — касается вопросов, не связанных напрямую с работой (жилье, здравоохранение, социальное обеспечение или общие трудовые отношения, рыночные права). Авторы считают, что эти три логики можно условно расставить по вершинам треугольника, и они будут находиться в постоянном напряжении между собой — например, логика класса, основанная

на общей идентичности мигрантов как рабочих противоречит как логике этнической принадлежности (которая подчеркивает особое положение мигрантов в составе рабочей силы) и логике социальных прав (которая рассматривает мигрантов как потенциальных новых граждан, а не только как работников)

Вторая — это организация работников-мигрантов. С точки зрения профсоюзов, одна из самых важных стратегий защиты временных мигрантов — организовать последних в профсоюзы. Международные сети профсоюзов могут помочь обмениваться и делиться информацией о найме рабочих мигрантов, с помощью тех же сетей можно привлекать внимание к нарушающим права мигрантов агентствам по найму, выявлять жертв торговли людьми и нелегального найма. Кроме того, профсоюзы способны договариваться о международно признаваемых контрактах, которые бы заключали работники, агентства по найму и работодатели. Тем не менее организовать временных работников-мигрантов — непростая задача из-за высокой текучки кадров. Работники-мигранты находятся в стране пребывания временно, и к тому моменту, когда их получится организовать и интегрировать, им, возможно, уже придется покинуть страну. Временные работники мигранты зачастую не знают языка страны своего временного проживания и могут жить изолированно рядом с местом работы, а не в городах, где профсоюзы обычно более заметны. Многие сезонные работники также сильно зависят от возможности получить временную работу за границей: они могут опасаться, что их уволят или не возьмут на работу в следующем сезоне, если их работодатель узнает, что они состоят в профсоюзе, и что они там активны.

Еще три обнаруженных Шмидт стратегий — это предложение практической поддержки работникам-мигрантам; информационные кампании для них; и специальные меры по включению и интеграции этих работников в профсоюзы. К каким именно мерам в отношении мигрантов прибегнет профсоюз, зависит от множества факторов, таких как, например, его внутренняя организация, его уровень власти в экономике страны или миграционная история соответствующей страны, считает она, объединяя и те факторы, о которых говорилось в изначальной модели Пеннинкс и Розблад, и те, которые были обнаружены при изучении применимости этой модели в современном мире.

2. Организация мигрантов на городском уровне в европейских странах: старые и новые центры притяжения

Процессы формирования общественных организаций мигрантов в Европе активно развиваются в течение последнего полувека. Это связано с усилением миграционного притока в западноевропейские страны после Второй мировой войны. Одним из эффектов увеличения численности иностранных работников на рынках труда принимающих стран стало создание новых общественных организаций, нацеленных на оказание помощи мигрантам в адаптации к новым условиям. Однако постепенно началось проникновение организаций мигрантов в сферу политики. Тема политизации объединений иммигрантов интересна в контексте того, какие факторы влияют на объект изучения, так и способы изучения. В качестве основных факторов, влияющих на формирование мигрантских организаций выступают следующие: места проживания мигрантов, статистические данные по численности мигрантов, политика властей в отношении мигрантов и иммиграционный режим. Приведем сравнительный анализ между испанскими городами – Мадридом и Барселоной с городами, которые считаются традиционными центрами притяжения мигрантов – Берлином, Амстердамом и крупными британскими городами.

Стоит рассмотреть начать с того, как Мадрид и Барселона стали новыми центрами притяжения мигрантов. В качестве доказательства их определения как новых центров миграционного притока можно использовать статистические данные по динамике роста численности ассоциаций мигрантов: если в 1985 году их было 15, то к 2008 их число возросло до 685 [23]. Однако стоит отметить тот факт, существует проблема в определении участия мигрантов в данных организациях. Зачастую эти организации состоят из автохтонных участников, которые занимаются наймом на работу граждан из определённой страны. На примере Испании можно отметить, что в рамках одной страны могут существовать серьёзные отличия в отношении местных властей к организациям мигрантов.

В случае Барселоны мы имеем намного большее число организаций мигрантов, а в другом наблюдаем уже большее число мигрантов при сравнительно меньшем числе ассоциаций. То есть, в Барселоне у нас формируется множество мелких объединений мигрантов, в то время как в Мадриде число организаций меньше, но по составу участников они более крупные в сравнении со столицей Каталонии. Однако, вопрос о количественном составе таких организаций крайне спорный: во-первых, нет чётких данных о численности членов мигрантских организаций, во-вторых, во многих из них отсутствует формальное членство, что связано, во-первых, с отсутствием требования при формировании организации к списку участников, во-вторых, отсутствие серьёзных барьеров со стороны законодательства.

Для сравнения использовались следующие организации – по пять в каждом испанском городе: ATIME (Asociación de Trabajadores e Inmigrantes Marroquíes en España, марокканцы), VOMADE, позднее VOMADE-VINCIT (Voluntariado de Madres Dominicanas en España – Voluntariado Integración Colectivo Internacional de Trabajadores, изначально как организация доминиканцев), AESCO (сначала Asociación Española por la Solidaridad y Cooperación con Colombia как организация колумбийцев, позднее Asociación América España Solidaridad y Cooperación в качестве организации латиноамериканских мигрантов), ACULCO (Asociación Cultural por Colombia e Iberoamérica, с 2000 года Asociación Socio-Cultural y Cooperación al Desarrollo por Colombia e Iberoamérica, мигранты из Латинской Америки), AECUATORIE (Asociación de Ecuatorianos Radicados en España, эквадорцы) в Мадриде; в Барселоне рассматривались следующие организации – CPB (Centro Peruano de Barcelona, перуанцы), ACRS (The Associació Catalana de Residents Sengalesos, сенегальцы), АТИМСА (Asociación de Trabajadores e Inmigrantes Marroquíes en Cataluña, филиал АТИМЕ), Ecuador Llactacarú (эквадорцы), Casal Argentí de Barcelona (аргентинцы). Выборка рассматриваемых организаций мигрантов производилась на основе двух показателей: «различия в национальной принадлежности и в (пиковом) времени притока из определённых стран» [23:81].

Если с первым критерием понятно, что надо рассматривать различные этнические группы для репрезентации, то второй критерий приводится для того, чтобы в выборке участвовали организации, которые уже были устойчивыми и сложившимися сообществами на момент регистрации. Как видно из названий, эти организации сформированы по национальному признаку, хотя со временем некоторые начали принимать и другие национальности либо как АCRS и Ecuador Llactacarú, либо как ACULCO изначально ориентировалась на широкий спектр участников – выходцев из Латинской Америки. Общее у всех этих организаций то, что они достаточно устойчивы, активны и созданы относительно недавно (вторая половина 1980-х – 1990-ые). Этот временной промежуток связан с началом развития миграционного притока, который привёл к появлению проблемы нелегального положения мигрантов, что ввело к проблемам с трудоустройством. Тем самым, основной повесткой организаций мигрантов стали юридические вопросы.

В период 1990-х испанское правительство не спешило решить вопрос легализации мигрантов, что приводило к участию мигрантов в акциях протеста. Ситуация началась меняться в начале 2000-х годов, когда государство начало признавать роль мигрантских организаций. Это выражалось в создании консультативных советов на муниципальном уровне и ограниченному подключению к системе социального обеспечения через систему общественных субсидий. Ограниченность заключалась в объёме предоставляемых средств.

Кроме того, Мадрид и Барселона отличаются тем, что в этих двух городах существуют разные подходы к взаимодействию с мигрантскими сообществами. В столице Каталонии профсоюзы стремились к тому, чтобы организации мигрантов утвердились в качестве культурных объединений, не подпуская их к политическим вопросам и вопросам социальной поддержки, то есть, старались ограничивать доступ в эти сферы. Это подтверждается тем фактом, что «представители профсоюзов, которые считают роль организаций мигрантов в большей степени культурной, а их политическую роль - лишь временной в отсутствие полных политических прав, в то время как социальные услуги и поддержка, по их мнению, не должны предоставляться этническими субъектами» [23:92]. Это можно объяснить тем, что профсоюзы не хотели конкуренции в вопросах получения финансовой помощи в виде субсидий от государства. Во многом из-за этого в Барселоне происходило формирование большого количества небольших организаций, которые не могли выполнять функции социальной защиты, то есть не имели сильного влияния на сферу услуг. Хотя стоит отметить, что вопрос политического участия не был полностью закрытым для мигрантских организаций: в Барселоне они активно взаимодействовали с государственными властью в муниципальных советах.

В столице Испании организаций хоть и было меньше, но их влияние на общественную жизнь было сильнее. Так, например, ATIME и VOMADE были членами National-level Forum for Integration (общенациональный форум по интеграции) с самого его создания в 1995 году и получали финансирование от национального правительства. Помимо получения финансирования от органов власти национального уровня, мадридские организации получают финансирование от муниципалитета за участие в местном мадридском форуме, который был создан в 2006г. С одной стороны, мадридские организации имели доступ к финансовой помощи, с другой, – у них отсутствовал опыт взаимодействия с местными органами власти и имели на них слабое воздействие. Тем самым, мы можем сделать вывод о том, что в Мадриде существует несколько крупных организаций, эффективно взаимодействуют с органами власти, а в Барселоне множество небольших организаций, не представленных на национальном уровне, но сильные в муниципалитетах. Это различие сказывается на протестном потенциале организаций и проведении акций по различным вопросам, например, вопросов ущемления прав мигрантов и т.д. Те организации, которые представлены на национальном уровне, уже не пользуются инструментом протестных акций, так как включены во власть через форумы и координационные советы как местного, так и муниципального уровня, тем самым имеют возможность взаимодействовать с государственными властями, то есть работают в легальном поле. Также стоит отметить и финансовый вопрос:

крупные организации мигрантов из-за своего участия в форумах и советах получают финансирование из государственных программ поддержки, тем самым организации не хотят портить свою репутацию и стараются не участвовать в акциях протеста. А с небольшими организациями мигрантов не всё так однозначно.

С одной стороны, отсутствие какого-либо финансирования со стороны государства создаёт гипотетическую возможность участия в акциях протеста, без особых потерь, однако из-за этого возникает проблема отсутствия или недостаточности средств на ведение деятельности, а малочисленность приведёт к тому, что акция протеста будет либо проигнорирована, либо разогнана без каких-либо серьёзных последствий. При наличии таких различий испанские города имеют и общие черты. Во-первых, в обоих городах организации мигрантов часто кооперируются и получают поддержку от различных негосударственных субъектов и профсоюзов, например *Unión General de Trabajadores (UGT)* в Мадриде. В обоих городах организации мигрантов занимаются разнообразной деятельностью, выходящей за рамки официальных каналов участия в борьбе за права мигрантов, их легализацию и участие в политической жизни. Это включает в себя широкий спектр форм и мест проведения мероприятий – от дискуссий за круглым столом, пресс-релизов, использования собственных радиопрограмм и журналов участников до публичных мероприятий и демонстраций.

Организации мигрантов также участвовали в акциях протеста за права и легализацию мигрантов, что было характерно в основном для периода 1990-х. Сейчас акции протеста остаются в основном у мелких и маргинальных организаций, тогда как крупные перестали этим пользоваться из-за обретения авторитета, который выражается в деятельности в легальном поле и участии в различных советах при органах власти различного уровня. Спорные способы выражения недовольства, такие как захват общественных зданий и голодовки, получали большую поддержку, когда были закрыты официальные каналы доступа к легальным способам воздействия на государство, то есть в 1990-ые и начале 2000-х. Пиком недовольства были 2000 и 2001 годы, когда недовольство со стороны мигрантов выражалось в захвате церкви и голодовки. Эти действия нашли поддержку среди организаций мигрантов в Барселоне, в то время как в Мадриде аналогичные действия были восприняты с большей сдержанностью. Хотя некоторые организации мигрантов в Мадриде были вовлечены в аналогичные спорные действия в начале 1990-х годов, но по причине укрепления и возможностей влиять на ситуацию в легальном поле, участие в более радикальных акциях потеряло смысл.

Помимо этого, организации Мадрида участвуют в транснациональных проектах развития через организации мигрантов, что подразумевает более традиционные формы сотрудничества в целях развития межгосударственных отношений, а также вопросы, связанные с миграцией, а именно предотвращение нелегальной миграции, возвращение мигрантов и поддержку легальной миграции. Это выражается в разных формах: Перуанский центр Барселоны организует «политические дебаты о Перу и Латинской Америке» [23:82], аргентинская Casal Argentí изначально создавалась как «создание сети для аргентинцев в Каталонии и развитие деятельности в отношении Аргентины» [23:82], VOMADE-VINCIT обеспечивает связь с Доминиканской Республикой в виде проектов сотрудничества, AESCO занимается развитием связей с Колумбией и Эквадором, и отдельно выделяется их деятельность в 2006 году, когда происходили президентские выборы в эти двух странах и Перу и организация «сотрудничали с посольствами и консульствами, чтобы люди регистрировались для осуществления своего избирательного права голосовать из-за рубежа» [23:84], ACULCO так же занимается программами сотрудничества и развития с Колумбией.

Тем самым завершая разбор двух испанских городов, мы приходим к выводу о том, что в обоих городах организации мигрантов участвуют в борьбе за права и улучшение условий жизни местных сообществ мигрантов. Интенсивность и формы этих взаимодействий варьируются в зависимости от конкретного городского контекста и часто выборочной финансовой поддержки государства, с которой сталкиваются организации мигрантов. Также стоит отметить одну интересную тенденцию у испанских организаций мигрантов. Как было написано ранее, большинство организаций иммигрантов в Испании появились ближе к концу 1980-х – началу 1990-х, и они в большинстве своём были ориентированными на одну определённую этническую группу, хотя ACULCO выделялась на этом фоне. Но в последующее время начались процессы по расширению своей «клиентской базы», то есть поддержку могли получать и другие мигранты. В Испании расширением клиентской базы сначала занялась организация сенегальцев ACRS (Associació Catalana de Residents Senegalesos) за счёт поддержки не только сенегальцев, но и мигрантов других этнических групп, позднее расширяться стала и доминиканская VOMADE (Voluntariado de Madres Dominicanas en España), которая для подчёркивания возможности оказания услуг для других мигрантов, переименовалась в VOMADE-VINCIT (Voluntariado de Madres Dominicanas en España – Voluntariado Integración Colectivo Internacional de Trabajadores). Переименование произошло в начале 2000-х: это решение было принято для подчёркивание того, чтобы подчеркнуть, что организация оказывает поддержку не только своим, в данном случае доминиканцам, но и мигрантам из других стран и наций.

После рассмотрения испанских городов следует перейти к сравнению Мадрида и Барселоны со «старыми» центрами миграции. Между ними есть как и сходства, так и различия. Рассматривая Берлин, можно отметить следующее: мигрантам предоставляли статус и права, похожие на те, что есть у граждан. Подобное действие объяснялось идеей о том, что это явление временное; из-за понимания временного пребывания на территории Германии мигрантов, вопрос их участия в политической жизни не был предусмотрен. Организации мигрантов в Германии могли существовать с 1970-х, но не было специального признания со стороны государства, что привело к проблеме финансовой поддержки из государственного бюджета, которая была преодолена только в начале 2000-х. Транснациональная деятельность организаций в Берлине незначительна и не является приоритетной, в отличие от того же Мадрида; ориентированность на ассимиляцию, интеграцию мигрантов в немецкое общество (для тех, кто решался остаться); схожесть Берлина с испанскими городами заключается в межкультурном компоненте миграционной политики, который выражается в признании этнического и культурного разнообразия, но при этом предполагает за диалог и неразделенное, "нормализованное" отношение к различным этническим группам. Это можно трактовать как равное отношение к разным группам мигрантов, независимо от их этнического или религиозного происхождения, и склонение к взаимодействию между разными организациями не только по отношению к властям, но и между этими группами мигрантов, что может выражаться в переходе от помощи одной определённой этнической к помощи любому мигранту, который нуждается в ней.

При рассмотрении Амстердама стоит выделить следующие факты: Амстердам является примером противоположным Берлину: это многокультурный город, в котором миграционные организации являются общественными и досуговыми организациями, то есть основными сферами их деятельности являются представительство интересов и социально-культурные мероприятия. Тем самым снижается их политическая активность, а транснациональная активность находится на низком уровне. Сравнивая с Испанией, можно увидеть, что основная сфера деятельности организаций мигрантов схожа, особенно это сходство наблюдается у амстердамских и барселонских организаций. Это заметно в вопросе взаимодействия на местном уровне и слабой транснациональной деятельности, но при этом они отличаются в вопросе интеркультурной политики – если в Амстердаме ориентированность на разнообразие и множественную идентичность [23:166], то в Испании делается акцент не только на признание множества, но и на активный диалог между культурами, а не только с государственной властью. Рассматривая британские города, стоит отметить следующее: в британских городах организации мигрантов взаимодействуют с властями на местном уровне через консультативные советы, что схоже с ситуацией в Барселоне; миграция не

предполагалась как временная, в отличие от Нидерландов и Германии; транснациональные связи не слишком сильны при рассмотрении официальным данным британских властей. Однако есть вероятность, что транснациональные связи развиты в частном порядке, что связано с отношением со стороны властей; схожими с Испанией чертами являются проблематичный статус членства в организации: «некоторые организации ссылаются на определённое число активно вовлечённых лиц, другие считают всех тех, кто включён в их списки рассылки, членами» [23:163]; отличие заключается в ориентировании на определённую расовую или этническую группу что отличается от испанских городов в целом.

Другой проблемой основной проблемой помимо отличий миграционной политики разных городов, является процесс постепенной трансформации деятельности организаций. Как было подмечено ранее, изначально организации мигрантов возникали в основном для того, чтобы приехавший мог обратиться за помощью к тем, с кем имел общее происхождение. И первоочередным действием является легализация в стране пребывания. Но в каждой стране были разные проблемы, которые сложно подвести под какую-либо одну общую для всех характеристику. Вопрос мигрантов становился актуальным, когда их число становилось всё более заметным и влияющим на общество. Так как в каждом государстве данный вопрос становился актуальным в разные временные промежутки, в связи с разными культурными и этническими группами, следовательно ход и причины трансформации были разными. Так, в Германии вопрос встал после Второй Мировой войны, когда действовали программы найма мигрантов в качестве гастарбайтеров для восстановления страны, в следствии чего появлялись крупные мигрантские сообщества, прежде всего турецкое. Но ввиду рассмотрения трудовой миграции как временного явления, то государственная поддержка мигрантов была значительной. Однако, в тоже время в Германии с начала 1970-х государственная политика в отношении мигрантов была преимущественно направлена на ассимиляцию и интеграцию, поэтому организации мигрантов имели ограниченный формат деятельности. Совершенно по-другому развивалась ситуация в Испании, где возрастание интереса к проблематике вокруг вопроса мигрантов пришлось на рубеж 1980-1990 годов в связи с увеличением притока мигрантов из Северной Африки и Латинской Америки. Так как здесь не было строгой ассимиляционной политики, то организации могли свободно создаваться, однако их легальность была под вопросом, как и в Германии. Это всё было связано с тем, что государства не признавали важность участия мигрантов в общественной жизни. Благодаря отсутствию давления со стороны государства, в Испании в начале 1990-х началось резкое увеличение организаций мигрантов, большинство из которых были вовлечены в политическую жизнь через акции протеста, которые проводили в то время различные организации в испанских городах, особенно в Барселоне. Переломным моментом

стала смена правительства в начале 2000-х, что совпало с процессом признания организаций мигрантов в Германии. Это привело к изменению политики по отношению к мигрантам. В Испании это выражалось в том, что сначала на местном, а потом уже и на более высоком уровне стали появляться координационные советы и форумы. Тем самым, именно в этот момент начинает происходить трансформация и переключение от исключительного просветительской и юридической деятельности к участию мигрантских организаций политическом процессе. Для этого должны были произойти следующие события. Во-первых, увеличение числа мигрантов заставило обратить внимание на то, в каких социальных условиях они живут. Во-вторых, не обращая внимания на проблемы мигрантов, власти толкали их к участию в акциях протеста, ввиду отсутствия каналов связи. Подобную трансформацию можно проследить на примере развития организаций мигрантов в испанских городах, где изначально создавались небольшие и многочисленные объединения, которые со временем начали взаимодействовать с местными властями через координационные советы. Наибольшего успеха добились мадридские организации благодаря участию в общенациональном форуме по интеграции, что является примером представительства на национальном уровне. Ввиду того, что количество мигрантов увеличивается по данным исследования [23:187-188], можно сделать предположение о том, что в скором времени появится вопрос соотношения положения политических прав граждан и мигрантов. Проблематика данного вопроса заключена в том, что при условии сложностей при получении гражданства европейских стран, мигранты получают право голоса. А это серьёзный фактор на избирательном процессе: так как у нас увеличивается численность избирателей, которые однозначно в большинстве своём будут голосовать за социалистические, социал-демократические партии или за партию зелёных, в программах которых часто поднимается тема помощи мигрантам. Это связано с тем, что другие основные проблемы, а именно вопросы социальной и юридической защиты, уже по большей части решены и находятся под контролем со стороны либо государственных социальных служб, либо гражданских объединений (в том числе и иммигрантских) и имеют финансовую поддержку в виде фондов и грантов по специальным программам. Это видно во всех рассматриваемых случаях.

3. Солидаризация мигрантов в рамках религиозных организаций

В настоящее время в странах Западной Европы ведутся дискуссии по поводу социально-политической интеграции мигрантских сообществ. Особенно остро в этих дискуссиях подчёркивается проблема религии и ее роли в организации мигрантских сообществ в контексте «мультикультурной среды», в рамках которой происходит интеграция мигрантов, исповедующих исламскую религию [24]. Система религиозных взглядов может быть фактором сплочения рассеянных мигрантских сообществ, поскольку транслируемые религией ценности, нормы и символы объединяют людей поверх этнических границ. В Великобритании последователи мистического движения «Сулейманчилар» последовательно расширяют поле своего воздействия, борясь за символический капитал над турецкими мигрантами: они открывают культурные и досуговые центры, проводят социальные и религиозные мероприятия, благодаря которым укрепляют свои социальные связи и коммуникационные сети. Оппонентами же данной организации выступают другие подобные религиозные группы, например, британская организация мечетей «Нур». Эта организация является потенциальным претендентом на привлечение все большего количества мигрантов и открытие своих новых отделений.

В Германии и Нидерландах также можно отметить деятельность различных турецко-исламских организаций, например, Милли Гёрюш – турецкое политическое и религиозное движение, которое, несмотря на относительно слабые позиции в Великобритании из-за конкуренции с «Сулейманчилар», имеет прочное положение в Германии. В качестве интересной особенности данного движения можно отметить использование так называемых «мескидов», которые обеспечивают идеологическое воспитание путем обсуждения определенных тем: «эти мечети, в которых ежедневно совершаются молитвы, укрепляют общение и взаимодействие между членами группы путем создания идеологической сети» [25:71].

Важной особенностью таких организаций является их транснациональность, то есть, они представлены во многих европейских странах и имеют между собой устойчивые связи. Части всего они организуют филиалы и зонтичные, локальные организации, которые в одной стране могут иметь достаточно сильные позиции, в другой же, наоборот, относительно слабые, как в случае с Милли Гёрюш. Все зависит от конкуренции за обладание символическим капиталом и его удержание, что отражается на деятельности и существовании религиозных мигрантских организаций.

Стоит заметить, что между такими организациями порой нет единства, так как они имеют свою идеологическую специфику. Если Милли Гёрюш, помимо религиозной составляющей, имеет еще и националистическую и достаточно сильную политическую, так как

было создано бывшим премьер-министром Турции Н. Эрканом, то суннитское движение "Сулейманчилар" отмечается своим мистическим уклоном, который критикуется другими религиозными организациями. Особняком в данном перечне стоит Община алеви, которая в глубине своей идеологии имеет переплетение шиитских, буддистских и суннитских традиций – она в целом ставится многими исламскими течениями под сомнение в принадлежности к исламскому миру [26:10] – это повышает потенциальную конфликтность между этими организациями за символический капитал, но, по моему мнению, к открытой конфронтации они не подойдут из-за общей принадлежности к турецко-исламскому миру.

Очевидно, что новоприбывший мигрант не всегда осведомлен о наличии тех или иных религиозных организаций в своем городе, поэтому сохранение культурной и религиозной идентичности происходит на семейном уровне. Чаще всего семьи мигрантов воспроизводят свою идентичность в сетях межсемейного общения: они ходят друг к другу в гости, отмечают дни рождения, участвуют в похоронных обрядах. В качестве наиболее понятного и в то же время показательного примера можно отметить традицию среди анатолийских мигрантов алевитов праздновать так называемый «кирк Емеги». Это традиционная трапеза, в которой участвуют все члены общины на сороковой день после смерти человека, чтобы отметить, что умерший человек перешел в мир иной и семья возобновила свою обычную социальную жизнь после сорокадневного периода. Они собираются вместе в «Цемеви» (религиозном центре), чтобы исполнить свои обязанности в соответствии с принципами солидарности, поскольку смерть рассматривается как своего рода основная социальная и структурная трансформация в жизни человека, и участие в этом обряде считается обязанностью. Среди же анатолийских суннитов есть свой аналог – «мевлит», который практически идентичен «кирк Емеги». Подобные практики помогали укреплять солидарность между мигрантами, но они «слабо связывали членов сообщества и не распространялись на все сообщество; кроме того, их влияние ограничивалось теми, кто имел одинаковое локальное происхождение» [25:62]. Чтобы укрепить между мигрантами сильные и постоянные связи, религиозная идеология воплощает в себе коллективные ценности, на уровне которых мигранты осознают себя частью не просто семьи или общины, а участниками некоторой религиозной системы. Эта система привлекает их к объединению вокруг религиозных центров (мечетей): «мигранты становятся членами транснациональной сети этих организаций и обретают символическую идентичность благодаря членству в этих организациях» [25:68]. Таким образом, простое объединение мигрантов на основе традиционных ценностей на уровне семейных связей не имеет достаточной силы по сравнению с религиозными организациями, которые выступают в качестве хранителей коллективных ценностей и представителей сообществ единоверцев.

Многие религиозные организации выступают против интеграции, которая понимается через приобщение к местной культуре без учета мигрантской специфики, их культурного бэкграунда. Например, в Германии представители мусульман понимают интеграцию как возможность участия мигрантов в социальной жизни государства, как признание их субъектности со стороны правительства. В брошюре, опубликованной религиозной организацией «Диянет», было выдвинуто их понимание интеграции, обозначены ее цели и условия реализации: ««Для нас интеграция означает участие мигрантов в жизни общества. [...] Поэтому принятие и равное обращение в общественной жизни, включая признание разнообразия их культуры, языка и традиционных обычаев, и привычек, и в особенности особенно их религиозной принадлежности, [являются] существенными» [27]. Можно прийти к выводу, что мигранты, получившие признание со стороны государства, будут понимать свою ответственность за общество, в котором они находятся, и будут задействованы в социальной жизни этого общества.

В Нидерландах же мигрантам не так важно признание, как самоустранение государства из процесса интеграции, чтобы позволить мигрантам самим взять ответственность за свою интеграцию в общество. Религиозные организации, в частности организация Сулейманчар, объясняют это возможностью сохранить свою идентичность. Интересен тот факт, что данная организация даже не принимает само понятие «интеграция», так как считает, что принятие этого термина автоматически подразумевает риск самоотчуждения мигрантов из жизни в обществе: «Они всегда говорят об интеграции, но я думаю, что участие гораздо важнее, чем интеграция. Вы, конечно, можете быть интегрированы, но что это значит? Отказ от собственной культуры или от собственного языка, собственной религии? Нет, я думаю, что участие - то есть, участие в жизни общества - помогает человеку стать достаточно интегрированным. А интеграция означает только то, что вы вписываетесь в общество» [26:11] (интервью SICN, 3 декабря 2008 года).

Также движение Милли Герюш заявляет, что ответственность мигрантов за свою интеграцию в общество без прямого участия государства представляется большей ценностью и возможностью для мигрантов приспособиться к новым культурным и социальным условиям жизни в принимающей стране: «если нам понадобится помощь - например, от государства - мы обратимся за ней. Процесс интеграции, эмансипации, участия и достижений должен осуществляться нашими членами. Необходимо создавать примеры для того, чтобы создавать ролевые модели, которые особенно позволяют молодежи - юношам и девушкам - найти свой путь в обществе» [28].

Религиозные мигрантские сообщества более склонны заявлять о себе как об организации, готовой к интеграции, если со стороны принимающих стран будут предприняты

определенные шаги по реализации этой интеграции. В Голландии реализуется мультикультурная модель интеграции мигрантов в социокультурном поле при сохранении идентичности, поэтому в этой стране принято считать благоприятной структуру политических возможностей для мигрантов – на институциональном уровне создаются консультативные советы, благодаря которым мигранты могут агрегировать свои запросы и актуализировать наиболее острые проблемы, а также могут получать субсидии от правительства [26:5]. В Германии же сотрудничество между мигрантскими религиозными сообществами отличается от голландской модели и отражает специфику ограничительной интеграционной политики этой страны – немецкие чиновники отказываются воспринимать Германию как страну для иммиграции, отчего мигрантские организации, сообщества, движения не финансируются на государственном уровне и, соответственно, уровень натурализации мигрантов в Германии остается низким. В свою очередь, можно отметить, что потенциально жесткая политика интеграции мигрантов и отсутствие настроя немецкого правительства оказывать содействие по натурализации мигрантов может привести к тому, что религиозные организации возьмут ответственность за интеграцию на себя и будут формировать идентичности через призму религиозно-этнического фактора. Отсюда следует, что структура политических возможностей в Германии для мигрантов существенно ограничена и не является благоприятной, в отличие от голландского варианта [29].

Важно отметить, что при возрастании религиозного фактора в организации мигрантских сообществ со стороны государства встали вполне очевидные проблемы – создание таких институтов, которые обеспечивали бы связь между религиозными организациями и государственной властью, чтобы был постоянный контакт и контроль процесса интеграции. Появились национальные режимы религиозного управления по делам мусульман, которые помогают представителям исламской религии утвердиться в новом обществе, в частности, такие органы есть в Великобритании, Франции, Германии [30].

Новые институциональные возможности для религиозных мигрантских сообществ дают различные привилегии от финансирования и субсидирования до признания таких организаций в качестве государственной корпораций (как в Германии), либо в качестве благотворительной организации, спонсируемой государством. Также есть возможность сотрудничества через консультативные советы, например, Комиссию по вещанию [31]. Несмотря на то, что получить статус государственной корпорации для мусульман достаточно трудно, все же община алевитов, организация Диянет, община Ахмадия в Германии были признаны в качестве религиозных общин, что дает возможность этим организациям заниматься образовательной деятельностью [32]. А с 2006 г. министр внутренних дел Германии

приглашает представителей мусульманских организаций на немецкую исламскую конференцию, чтобы поговорить об интеграции мусульман в Германии – такие каналы сотрудничества между государством и религиозными мигрантскими организациями формирует обратную связь со стороны мигрантов и обеспечивает реальное взаимодействие между, пользуясь терминологией Ю. Хабермаса [33], системой и жизненным миром.

В Голландии с сотрудничеством обстоит дело по-другому - там нет системы признания религиозных общин, но государство предоставляет возможности религиозным организациям в качестве способа установления религиозного плюрализма, которая рассматривается через концепцию пилларизации по социально-политическому и религиозному признаку [34]. При этом мигрантским организациям предоставляются различные права: создание религиозных вещательных корпораций и конфессиональные права, которыми пользуются мусульманские организации [35].

Таким образом, сотрудничество между мусульманскими организациями и государством сегодня является одним из важных направлений для стабильных отношений между светским и религиозным дискурсом, не давая последнему войти в процесс радикализации и маргинализации.

4. Особенности общественной самоорганизации мигрантов из Центральной Азии в России

История самоорганизации таджикских, узбекских и киргизских сообществ в России, ознаменовавшаяся постепенным переходом от неформальной коммуникации к публичной деятельности, восходит к позднесоветскому и раннему постсоветскому периодам. До второй половины 1990-х годов сообщества людей из Центральной Азии в крупных российских городах, были относительно немногочисленными, если сравнивать с нынешней демографической динамикой [36]. С организационной точки зрения, ключевую роль в поддержании социальных связей между соотечественниками первоначально играли студенческие землячества. Исторически сложилось так, что Санкт-Петербург, Самара и Казань занимают видное место в российской системе высшего образования. Студенческая миграция в эти города была одним из основных каналов пространственной мобильности между республиками Центральной Азии и РСФСР в советское время. Центральноазиатские студенты, как правило, обладали высоким уровнем социального и культурного капитала. Кроме того, в отличие от многих других своих соотечественников, они располагали определенным ресурсом свободного времени, благодаря которому могли заниматься организацией совместных мероприятий.

Встречи, которые студенты устраивали в кафе, способствовали сохранению контактов между выходцами из той или иной центральноазиатской республики. Праздники, сопровождавшиеся танцами и исполнением музыки, были не просто формой досугового времяпрепровождения. На них обсуждались насущные вопросы, волнующие членов сообщества.

Начиная с середины 1990-х годов, перечень этих вопросов существенно расширился. Миграция из стран Центральной Азии в России интенсифицировалась. Люди таджикского, узбекского и киргизского происхождения, получившие высшее образование в Санкт-Петербурге, Самаре и Казани, все чаще сталкивались с просьбами недавно приехавших в Россию родственников и знакомых о помощи. Эти просьбы касались главным образом оформления документов, содействия в трудоустройстве, обеспечения безопасности на рабочих местах и отправки тел погибших соотечественников на родину.

Бывшим активистам студенческих землячеств, а также людям, обладающим финансовыми возможностями, к которым чаще всего обращались за помощью их земляки, стало очевидно, что упомянутые проблемы нельзя решить без устойчивого контакта с местными чиновниками – МВД, городской администрацией и институтами национальной политики. В рассказах наших информантов часто фигурировал следующий сюжет: их знакомые – преимущественно из университетской среды – советовали им зарегистрировать национальную

общественную организацию, чтобы наладить взаимоотношения с властью. В основном, они ориентировались на примеры азербайджанских и казахских «диаспор».

Решения о создании «диаспоральной» структуры, как правило, принимались на неформальных собраниях, в частности, на так называемых советах старейшин. Там же назначались руководители организации – им делегировалась обязанность решать проблемы сообщества при помощи каналов коммуникации с российской властью, которые открывались для официальной организации.

После того, как были зарегистрированы первые «диаспоры», часть проблем выходцев из Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана действительно удалось решить. Их руководители получили возможность договариваться об относительно стабильных условиях труда своих земляков на некоторых рынках и стройках, а также помогать родственникам и знакомым с легализацией их пребывания в России. Наряду с этим, у «диаспор», появились определенные обязательства перед лицом государственных учреждений, к которым они институционально привязаны. Эти учреждения – Дом Национальностей в Санкт-Петербурге, а также Дома Дружбы Народов в Самаре и Казани (далее ДДН) – согласуют с «диаспорами» ежегодный план мероприятий на городском и районном уровнях. Исходя из собранных данных, можно сделать вывод о том, что создатели рассматриваемых организаций едва ли ставили перед собой задачу популяризировать культуру их народов. Однако сотрудничество с профильными комитетами, в ведении которых находятся ДДН, сделало культурную деятельность своего рода «делом чести» для «диаспор».

Выход «диаспоральных» организаций в публичное пространство несколько не уменьшил значение неформальных встреч выходцев из Центральной Азии в своем кругу. Напротив, по мере распространения так называемых этнических кафе в крупных российских городах становилось все более очевидным, что именно они зачастую выступают «узлами» в сетях социальных связей таджикских, узбекских и кыргызских микро-сообществ [37]. В результате усиления миграционного притока структура этих сообществ претерпела определенные изменения. В отличие от студенческих землячеств, они формируются преимущественно по принципу принадлежности к тому или иному городу или району страны происхождения, а также на основе общих мест работы.

Исходя из обозначенной во введении теоретической перспективы, объяснительная модель динамики организационного процесса в рамках настоящего раздела выглядит следующим образом. Ключевым фактором в неформальной коммуникации центральноазиатских сообществ был и остается *групповой запрос* на поддержание социальных связей и решение общих проблем. Поскольку в 1990-е годы стало очевидным, что эти проблемы не-

возможно решить без устойчивого взаимодействия с российской властью, появляются зарегистрированные «диаспоры». При этом их создатели ориентировались на азербайджанские и казахские образцы, что свидетельствует о наличии *организационной экологии*, во многом предопределившей облик таджикских, узбекских и кыргызских официальных объединений. Публичная культурная деятельность не была изначальным приоритетом центральноазиатских организаций, однако сотрудничество с институтами российской национальной политики сыграло решающую роль для последующей культурализации их повестки. Исходя из этого, на следующем шаге мы перейдем к анализу *структуры политических возможностей*, внутри которой действуют изучаемые нами «диаспоры».

Государственные учреждения – Дома Дружбы Народов и Дома Национальностей – появляются в разных городах России с середины 1990-х годов³. Они создаются в рамках национальной политики нового российского государства, одной из целей которой провозглашалось сохранение культур и языков народов, проживающих на его территории. Включение национальных общественных организаций в работу ДДН должно было способствовать решению этой задачи. Культура народов, проживающих на территории того или иного региона, получила тем самым символическое признание и в то же время ее публичная манифестация была отдалена от остросоциальных тем.

Основные *агенты* в рамках реализации плана культурных мероприятий – это институты национальной политики, диаспоральные организации и творческие коллективы, привлекаемые «диаспорами» для выполнения этого плана. *Инфраструктурная платформа*, на которой осуществляется эта деятельность, включает в себя государственные учреждения – дома культуры и молодежи, библиотеки и городские парки. Благодаря взаимодействию с ДДН «диаспоры» приобретают доступ к некоторым *внешним ресурсам*. Наиболее важный из них – это коммуникация с правоохранительными органами как на формальном, так и на неформальном уровнях. С точки зрения организационных возможностей, преимущество сотрудничества с ДДН заключается в том, что диаспоральные организации получают офисные помещения (в Самаре и Казани), а также залы для репетиций и выступлений (во всех трех городах). Кроме того, сотрудники ДДН и профильных комитетов, под эгидой которых находятся эти учреждения, оказывают «диаспорам» информационную поддержку, публикуя материалы об их мероприятиях. Главные *внутренние ресурсы*, необходимые для поддержания культурной активности на должном уровне – это личные средства руководителя,

---

³ На сегодняшний день в России насчитывается более 30 городов, где действуют такие учреждения [38]. В Казани Дом Дружбы Народов был открыт в 1999 году, в Самаре – в 2001 году, а Санкт-Петербургский Дом Национальностей возник в 2005 году.

а также наличие в составе организации культурных активистов, готовых работать на волонтерских началах. В том случае, если несколько организаций, созданных выходцами из одной страны, объединяются в негласный координационный совет на городском уровне, они могут начать делиться друг с другом имеющимися в их распоряжении ресурсами.

С точки зрения *репертуара*, в ежегодном плане мероприятий «диаспор» превалируют стандартизированные форматы: общегородские праздники, межнациональные фестивали, молодежные игры и конкурсы, концерты и выставки национальной культуры, а также просветительские семинары, направленные на адаптацию мигрантов. В некоторых интервью с диаспоральными лидерами и активистами встречались высказывания о том, что их культурная программа обращена к «местным жителям». Однако это словосочетание представляет собой скорее риторическую фигуру, поскольку рассматриваемые сценарии не предполагают активного взаимодействия между артистами и публикой. Примечательно также, что диаспоральные лидеры на дискурсивном уровне стремятся *позиционировать* культуру, которую они экспонируют, в *национальных, а не этнических* терминах. Ее носителями объявляются все выходцы из соответствующей страны.

Центральную объяснительную роль в рассматриваемом аспекте деятельности «диаспор» играет *структура политических возможностей*. На фоне общей деполитизации вопросов этнического многообразия рациональность российских управленцев состоит в том, чтобы сохранять за центральноазиатскими объединениями культурный профиль, а не позиционировать их в качестве квази-правозащитных организаций, отстаивающих интересы мигрантов. Исходя из существующих правил игры, диаспоральные лидеры стремятся отрабатывать культурную повестку для того, чтобы взамен иметь возможность точечным образом решать насущные проблемы через контакты с силовыми ведомствами, которые открываются для них в ДДН. Наряду с выполнением ежегодного плана, существует и другое направление культурной активности диаспор, позволяющие им более успешным образом коммуницировать с властями как принимающей, так и отдающей страны. Об этом направлении пойдет речь далее.

Обретение *легитимности* внутри институционального окружения, в котором действует организация, – это ценный символический ресурс, согласно «экологической» модели анализа [3]. Поскольку руководитель «диаспоры» часто оказывается «лидером поневоле», он или она пытается извлечь возможные выгоды из выполнения этой «миссии». Помимо возможности решить юридические проблемы родственников и знакомых, административный ресурс позволяет упрочить положение своего бизнеса. Участие влиятельных людей в

торжественных мероприятиях «диаспоры» воспринимается как возможность укрепить неформальную связь с ними и повысить статус руководителя организации⁴. Соответственно, усилия, направленные на легитимацию «диаспор», адресованы в большей степени лицам, облеченным властью, чем широкой общественности.

Легитимация такого рода также имеет культурную составляющую. Использование различных культурных практик может способствовать созданию благоприятной атмосферы во взаимодействии с управленцами. Отличие этих практик от тех, что имеют место в рамках ежегодного плана, состоит в том, что диаспоральные лидеры видят в них больше символических дивидендов и поэтому охотнее вкладывают средства в организацию соответствующих мероприятий. Кроме того, лидеры таджикских, узбекских и кыргызских организаций нередко принимают участие в торжествах других «диаспор», во главе которых стоят «статусные», с их точки зрения, люди. В этом случае речь, как правило, идет о праздниках, которые «диаспоры» проводят за свой счет, – вне инфраструктуры, предоставляемой ДДН.

---

⁴ О значении неформальных патрон-клиентских сетевых отношений в политике и бизнесе постсоветских обществ см. [39]

Заключение

В последние годы разделение между «старыми» и «новыми» центрами притяжения мигрантов становится все более отчётливым, несмотря на схожесть некоторых черт. При рассмотрении деятельности организаций мигрантов можно увидеть, что они переживали трансформацию в своей деятельности. Изначально объединения мигрантов занимались юридической и социальной поддержкой прибывших соотечественников, а также просветительская деятельность. С течением времени эти виды деятельности начали отходить на второй план и на первый план стали выходить вопросы политики и возможности политического участия, что в основном выражалось в виде координационных советов на различных уровнях власти, но приоритетным является местный, где организации мигрантов имеют наибольшую возможность для влияния. Однако крупные организации стремятся выходить на национальный уровень, что удалось реализовать в Испании.

Религиозный фактор в процессе организации мигрантских сообществ в современных реалиях имеет большое значение для мигрантов: зачастую именно религия становится инструментом консолидации мигрантов для последующей интеграции в принимающее общество. Приращение же значимости религиозного фактора для государства может привести к фатальным последствиям в виде появления радикально настроенных религиозных организаций и экстремистской деятельности на территории европейских государств. Для того, чтобы религиозные организации встраивались в социальную систему нужно сотрудничество между государством и мусульманскими сообществами – в этом плане многоконфессиональное сотрудничество может обеспечить стабильность в обществе и нивелировать возможные негативные отношения между государством и мусульманскими организациями, мусульманскими организациями и представителями других конфессий: различные религии, сосуществующие вместе, могут показать мигрантам, что все они в равной степени заслуживают помощи, независимо от их религиозного или светского происхождения. Хрупкий баланс между желанием отвергнуть или не уважать чужую религию, и в то же время не идти на компромисс с собственными религиозными идеалами и убеждениями, может привести к тому, что организации разных религий не будут искать общие моральные, этические и духовные идеалы. Таким образом, многоконфессиональное сотрудничество может помочь избежать доминирования одной религии над другой. Следует продвигать идею о том, что основные права человека распространяются на всех людей, независимо от их религиозной принадлежности; и противостоять тенденции к прозелитизму, которая неизбежно подрывает многоконфессиональную этику и практическое сотрудничество.

Что касается постсоветского контекста, то попытки легитимировать деятельность центральноазиатских организаций предпринимаются не только перед лицом российских чиновников и других «диаспор», но и властей стран происхождения их руководителей. Торжественные приемы сотрудников посольств и правительственных делегаций из республик Центральной Азии, которые устраивают «диаспоры», предполагают создание подобающего антуража при помощи различных культурных атрибутов. Один из информантов рассказывал, что на встречах с высокопоставленными чиновниками, которые он проводит, выступают музыкальные и танцевальные ансамбли. Во время визита, который он наносил в посольство своей родины в Москве, его также сопровождали исполнители национальной музыки. Кроме того, многие «диаспоры» стремятся сотрудничать с министерством культуры страны исхода – в том числе, для того чтобы совместно организовывать гастроли именитых центральноазиатских артистов. Такая «народная дипломатия», во-первых, повышает престиж организации, а, во-вторых, позволяют «диаспоре» занять место посредника между принимающим и отдающим государствами. Тесное сотрудничество с консульством, министерствами труда и культуры, а также торговым представительством страны происхождения усиливает позицию руководителя организации в отношениях с российскими чиновниками и работодателями. И наоборот – связь с влиятельными людьми в России делает руководителя «диаспоры» привлекательным партнером для властей на исторической родине.

Наконец, в ходе наших наблюдений обнаружилось несколько случаев, когда лидер «диаспоры» старается создать положительный имидж за счет благотворительной деятельности. Она может проявляться в помощи детским домам, соотечественникам, находящимся в заключении, мигрантам, работающим на стройках, и мечетям – в организации ифтара. Примечательно, что благотворительные инициативы тоже включают в себя культурный компонент – детей приглашают отметить праздник «диаспоры»; иногда организуются концерты музыкантов на стройках, где работают мигранты, а также в клубах на территориях исправительных колоний.

Суммируя сказанное, ключевыми *агентами* в деле легитимации «диаспор» выступают их «лидеры». Усилия руководителей центральноазиатских организаций по созданию положительного имиджа *адресованы* главным образом тем, от кого зависят их деловые интересы и аккумуляция символического капитала. В качестве таких адресатов выступают российские чиновники федерального, регионального и городского уровней, силовые ведомства, деятели других диаспор и структуры власти стран происхождения. Привлекательный имидж во многом формируется за счет умения создать антураж, необходимый для доверительного общения. Надлежащий прием высоких гостей подразумевает использование различных культурных элементов – от аутентичного убранства в «национальных» домах на

территории этнопарков до выступлений фольклорных танцевальных и музыкальных ансамблей.

Интервью показывают, что когда дело касается торжественных встреч, лидеры диаспор не склонны сожалеть о потраченных на них средствах, поскольку в обмен приобретают важный ресурс – расположение к ним влиятельных людей. Что касается приведенных примеров благотворительных акций, то можно предположить, что они направлены не столько на легитимацию в глазах общественности, сколько на повышение статуса лидера в его (или ее) собственных глазах. В пользу этой интерпретации свидетельствуют фотоальбомы, которые многие руководители охотно показывали нам в офисах своих организаций. В них снимки благотворительных мероприятий перемежаются кадрами, на которых руководители запечатлены вместе с политиками и эстрадными звездами.

Фактор *организационной экологии* сказывается здесь не только специфике субъектов, от которых центральноазиатские «диаспоры» ожидают признания, но и в том, что продемонстрированные модели коммуникации с властью воспроизводятся вследствие усвоения норм, распространенных в соответствующей институциональной среде. Впрочем, не все руководители диаспор склонны инструментализировать культуру описанным выше образом, а целеполагание культурных активистов и артистов таджикского, узбекского и кыргызского происхождения тем более заслуживает отдельного анализа.

Почти во всех случаях, которые мы наблюдаем, культурная деятельность не была изначальной целью при создании организации. Однако из-за того, что культурой приходится заниматься «по долгу службы» руководители «диаспор» вынуждены искать волонтеров и активистов, которые будут организовывать соответствующие мероприятия и выступать на них.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Moya, J.C. (2005) Immigrants and Associations: A Global and Historical Perspective, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 31:5, 833-864.
2. Schrover, M. & Vermeulen, F. (2005) Immigrant Organisations, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 31:5, 823-832.
3. Vermeulen, F. (2006) The Immigrant Organising Process: Turkish Organisations in Amsterdam and Berlin and Surinamese Organisations in Amsterdam, 1960-2000. Amsterdam: Amsterdam University Press.
4. Pries, L. & Sezgin, Z. (eds.) Cross Border Migrant Organizations in Comparative Perspective. London: Palgrave Macmillan, 2012.
5. Fauser, M. (2012) Migrants and Cities: The Accommodation of Migrant Organizations in Europe. Ashgate.
6. Vermeulen, F. & Brünger, M. (2014) The Organisational Legitimacy of Immigrant Groups: Turks and Moroccans in Amsterdam, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 40:7, 979-1001
7. Portes, A. & Fernández-Kelly, P. (eds.) The State and the Grassroots: Immigrant Transnational Organizations in Four Continents. Berghahn Books, 2016.
8. Jiang, Z., & Korczynski, M. (2019). The art of labour organizing: Participatory art and migrant domestic workers' self-organizing in London. *Human Relations*, 74(6), 842–868.
9. Флоринская и Мкртчян (2020) Миграция в Россию: самый низкий уровень за десятилетие // Мониторинг экономической ситуации в России, №30(132), с. 18.
10. Rocheva, A. and Varshaver, E. (2017) Gender Dimension of Migration from Central Asia to the Russian Federation (2017). *Asia-Pacific Population Journal*, 32(2), 87-136.
11. Румянцев С., Барамидзе Р. Азербайджанцы и грузины в Ленинграде и Петербурге: как конструируются "диаспоры" (начало), - *Диаспоры*, 2008, N 2, "Natalis press", М., 2009, С. 6-46;
12. Румянцев Р., Барамидзе С. Азербайджанцы и грузины в Ленинграде и Петербурге: как конструируются "диаспоры" (Продолж.), - *Диаспоры*, 2009, N 1., "Natalis press", М., 2009, С. 6-38.
13. Сагитова Л.В. Дом Дружбы Народов как объект и субъект социального реформирования: от советской модели к глобализационной? // *Журнал исследований социальной политики*. 2011. Том. 9, № 4. С. 495–512.
14. Berg-Nordlie Mikkell and Olga Tkach. 2016. "You Are Responsible for Your People". *The Role of Diaspora Leaders in the Governance of Immigrant Integration in Russia*.

- Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization 24 (2) Spring 2016 : 173-198.
15. Дятлов В.И., Нам И.В. Национально-культурные организации в современном сибирском городе: проблема этнического представительства // Идеи и идеалы. – 2020 – Том 12, №4, ч.2 – С. 473-491.
  16. Baumann, G. (1996) *Contesting Culture: Discourses of Identity in Multi-ethnic London*. Cambridge University Press: 9-36.
  17. Abella M. I. “Migrant workers’ rights are not negotiable” // *Labour Education* 2002. №. 129. P. 2.
  18. Schmidt V. Temporary migrant workers: Organizing and protection strategies by trade unions // *Merchants of labour*. / Ed. C. Kuptch. Geneva: International Labour Organization (International Institute for Labour Studies), 2006. P. 195.
  19. Marino S., Penninx R., Rosblad J. Trade unions, immigration and immigrants in Europe revisited: Unions’ attitudes and actions under new conditions // *Comparative Migration Studies*. 2015, Vol. 3:1. P. 5.
  20. Penninx, R., Roosblad J. *Trade Unions, Immigration and Immigrants in Europe 1960-1993. A Comparative Study of the Actions of Trade Unions in Seven West European Countries*. New York/Oxford: Berghahn Books, 2000.
  21. Marino S. Trade unions, special structures and the inclusion of migrant workers: on the role of union democracy // *Work, Employment & Society*. 2015, Vol. 29(5).
  22. Connolly H., Marino S., Lucio M. M. Trade union renewal and the challenges of representation: Strategies towards migrant and ethnic minority workers in the Netherlands, Spain and the United Kingdom // *European Journal of Industrial Relations*. 2014, Vol. 20(1). P. 7.
  23. Fauser, Margit, 2012, *Migrants and Cities. The accommodation of migrant organizations in Europe*. Aldershot: Ashgate,
  24. J. Borup, L. Ahlin. Religion and Cultural Integration. *Nordic Journal of Migration Research* 1(3), 2011.
  25. İlkey ŞAHİN. FROM TRADITION TO RELIGION: ORGANISATIONAL TRANSFORMATION OF THE LONDON TURKISH MIGRANT COMMUNITY. *Journal of World of Turks*, 2012.
  26. M. Kortmann. *Asking Those Concerned: How Muslim Migrant Organisations Define Integration. A German-Dutch Comparison*. Springer Science+Business Media Dordrecht, 2014.
  27. DITIB (n.d.). *Türkisch-Islamische Union der Anstalt für Religion e.V.* (brochure)

28. MGNN (n.d.). Organisatie structuur. Available online at: <http://www.milligorus.nl/nl/organisatie-structuur>, accessed 1 November 2021.
29. Duyvené de Wit, T., & Koopmans, R. (2001). Die politisch-kulturelle Integration ethnischer Minderheiten in den Niederlanden und Deutschland. *Forschungsjournal Neue Soziale Bewegungen*, 14(1), 26–41.
30. Fetzer, J. S., & Soper, J. C. (2004). *Muslims and the State in Britain, France and Germany*. Cambridge: Cambridge University Press.
31. Campenhausen, A. v., & de Wall, H. (2006). *Staatskirchenrecht: Ein Studienbuch*. Munich: C. H. Beck.
32. Kiefer, M. (2006). Staatlicher islamunterricht in Deutschland. Unterrichtsmodelle der länder – Der aktuelle sachstand im schuljahr 2004/2005. In S. Reichmuth, M. Bodenstern, M. Kiefer, & B. Vöth (Eds.), *Staatlicher islamunterricht in Deutschland: Die modelle in NRW und niedersachsen im vergleich* (pp. 15–26). Münster: LIT.
33. Ю. Хабермас. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма (Jurgen Habermas. Das Verhältnis zwischen System und Lebenswelt im Spätkapitalismus. In: J. Habermas. *Theorie der Kommunikativen Handelns*. 2. Bde. 3, durchges. Aufl. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1985, Bd. 2., S. 504—522. © Suhrkamp Verlag, 1981 Перевод к. ф. н. В. И. Иванова) // THESIS, 1993, вып. 2.
34. Bielefeldt, H. (2007). *Menschenrechte in der Einwanderungsgesellschaft: Plädoyer für einen aufgeklärten Multikulturalismus*. Bielefeld: Transcript.
35. Doornik, J. (1995). The institutionalization of Turkish Islam in Germany and The Netherlands: a comparison. *Ethnic and Racial Studies*, 18(1), 46–63.
36. Sahadeo J. (2019) *Voices from the Soviet Edge: Southern Migrants in Leningrad and Moscow*. Cornell University Press. P.28.
37. Varshaver E., Rocheva A. Localized Migrant Communities in the Absence of Ethnic Neighbourhoods: A Glimpse into Moscow's Ethnic Cafés Urbanities - *Journal of Urban Ethnography*, 8(2), 42-58, 2018.
38. Дома Дружбы. КВИСГНП (<https://sovetnational.ru/information-materials/doma-druzhby/>). Дата обращения: 12.01. 2022
39. Ledeneva, A. (2004) *Ambiguity of Social Networks in Post-Communist Contexts*, UCL SSEES Economics and Business working paper series 48. <https://ideas.repec.org/p/see/wpaper/48.html>

**В СЕРИИ ПРЕПРИНТОВ
РАНХиГС РАССМАТРИВАЮТСЯ
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
К СОЗДАНИЮ, АКТИВНОМУ
ИСПОЛЬЗОВАНИЮ
ВОЗМОЖНОСТЕЙ
ИННОВАЦИЙ В РАЗЛИЧНЫХ
СФЕРАХ ЭКОНОМИКИ
КАК КЛЮЧЕВОГО УСЛОВИЯ
ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ**

Хасанова Р.Р.

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ